

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 1 (78). С. 19–26.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2024. Vol. 1 (78). P. 19–26.

Научная статья
УДК 94
doi: 10.54398/1818510X_2024_1_19

ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТА ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА В XVIII – СЕРЕДИНЕ XIX В. И ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

Кидирниязов Даниял Сайдахмедович

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального
исследовательского центра РАН, г. Махачкала, Россия
daniyal2006@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9511-9092>

Аннотация. Актуальность избранной темы заключается не только в выявлении основных этапов истории формирования этнической карты Восточного Кавказа, но и в необходимости правильного освещения проблем этнической истории народов края, понимания многих явлений в современных национальных процессах. В статье на основе документальных материалов и специальной научной литературы рассматривается историческая картография региона анализируемого периода. Восточный Кавказ, да и в целом Кавказ, является одним из крупных географических регионов страны, различные народы которого имеют, наряду со своеобразием, глубокую общность исторических судеб. Следует отметить, что разграничение границ национально-этнических владений в разные хронологические периоды истории представляет большие сложности. В статье сводятся данные о природно-климатических условиях, территории, границах, линиях разграничения региона, расселении, этническом составе. Одновременно с этим показано, что природно-географические условия предопределяли разделение края на равнинную и горную зоны. Изучение этнической карты Восточного Кавказа позволит по-новому взглянуть на проблему развития отечественной исторической науки в контексте страноведческой, регионально-локальной историографии. Актуальность темы определяется и особенностью изучаемого региона, поскольку Восточный Кавказ представляет особый культурно-исторический тип, определяющийся разнообразием естественно-географических условий, геополитическим своеобразием, многонациональным и поликонфессиональным составом его населения.

Ключевые слова: Россия, Восточный Кавказ, народы, этническая группа, миграция, стабильность, география, расселение, этнос, природно-климатические факторы

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00313 «Трансформация кочевых обществ Юга России в контексте природно-климатических факторов (XIX – середина XX в.)», <https://rscf.ru/project/22-18-00313/>; автор выражает благодарность научным сотрудникам Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН за помощь.

Для цитирования: Кидирниязов Д. С. Этническая карта Восточного Кавказа в XVIII – середине XIX в. и природно-климатические факторы // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 1 (78). С. 19–26. https://doi.org/10.54398/1818510X_2024_1_19.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

**ETHNIC MAP OF THE EASTERN CAUCASUS IN THE 18TH – MID 19TH CENTURIES
AND NATURAL AND CLIMATIC FACTORS**

Daniyal S. Kidirniyazov

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research
Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia
daniyal2006@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9511-9092>

Abstract. The relevance of the chosen topic lies not only in identifying the main stages of the history of the formation of the ethnic map of the Eastern Caucasus, but also in the need for a proper understanding and coverage of the problems of the ethnic history of the peoples of the region, as well as for understanding many phenomena in modern national processes. The historical cartography of the region of the period under consideration is considered in the article on the basis of documentary materials and special scientific literature. The Eastern Caucasus, and indeed the Caucasus as a whole, is one of the major geographical regions of the country, the various peoples of which have, along with their originality, a deep commonality of historical destinies. It should be noted that the delineation of the borders of national-ethnic possessions at various times presents great difficulties. The article also summarizes data on natural and climatic conditions, territories, borders, lines of demarcation of the region, settlement, ethnic composition. At the same time, it is shown that natural and geographical conditions predetermined the division of the region into flat and mountainous zones. The study of the ethnic map of the Eastern Caucasus will allow us to take a fresh look at the problem of the development of national historical science in the context of regional, regional and local historiography. The relevance of the topic is also determined by the peculiarity of the studied region, since the Eastern Caucasus represents a special cultural and historical type, determined by the diversity of natural geographical conditions, geopolitical originality, multinational and multi-confessional composition of its population.

Keywords: Russia, Eastern Caucasus, peoples, ethnic group, migration, stability, geography, settlement, ethnos, natural and climatic factors

Acknowledgements: the work was supported by the Russian Science Foundation, Project № 22-18-00313 «Transformation of nomadic societies of the South of Russia in the context of natural and factors (XIX – mid XX centuries)», <https://rscf.ru/project/22-18-00313/>; the author expresses gratitude to the researcher of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences for his help.

For citation: Kidirniyazov D. S. Ethnic map of the Eastern Caucasus in the 18th – mid 19th centuries and natural and climatic factors. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2024, no. 1 (78), pp. 19–26. https://doi.org/10.54398/1818510X_2024_1_19.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Важной задачей современной исторической науки является разностороннее исследование актуальных проблем истории народов, на базе которых формировалось многонациональное Российское государство. В этом плане Восточный Кавказ представляет один из уникальных регионов как в географическом, так и в историческом плане. Восточный Кавказ характеризовался не только определёнными естественно-географическими особенностями, но и устоявшимися национальными, культурными, социально-бытовыми, конфессиональными и другими отношениями.

Сходные природно-климатические условия и, соответственно, хозяйственные занятия, национально-культурные и иные связи реально сближали полиэтничный массив Восточного Кавказа. Но в рассматриваемый период в крае шли сложные общественно-политические процессы (народно-освободительное движение в крае под руководством Шейха Мансура в конце XVIII в., Кавказская война в первой половине XIX в.), которые влияли на формирование этнотерриториального единства многонационального края. Для местных народов географический фактор, природно-

климатические условия, богатые природные ресурсы имели огромное значение для относительно успешного развития, укрепления связей с соседними народами.

Следует отметить, что игнорируя естественно-географическую среду, невозможно понять особенности политического строя местных народов, национального состава, общественного уклада жителей и др. Этническая ситуация во многом формировалась под влиянием как естественных демографических, так и военно-политических событий, происходивших в этот период в крае. Этническая карта региона подвергалась изменению: миграционные процессы, вынужденные перемещения этнических групп в условиях военно-политических кризисов, незавершённость процессов этнической консолидации и многое другое.

В географическо-физическом понимании Восточный Кавказ подразделяется на ряд частей (альпийскую, возвышенную, предгорную и равнинную).

В исследуемый период уже сложились границы региона, которые в основном определялись территориально между Терекон и Кумой на севере, Самур – на юге, Каспием – на востоке и Главной Кавказской возвышенностью с западным направлением.

Необходимо учесть, что это границы края представляли своеобразную систему, характеризующую и географические границы исторической территории, и этнотерриториальную границу (ареал расселения этнических групп), и пороги территорий, выделенных для хозяйственных целей.

Восточный Кавказ также выделяется своеобразным физико-географическим делением на разные ландшафтные зоны: высокогорную, среднегорную, низкогорную и равнинную. Все это также влияло на расселение, на хозяйственное освоение территорий. Природно-климатические условия благоприятствовали развитию хозяйства: леса, чернозёмные почвы – высоким урожаям, пастбища, сенокосы – животноводству и т. д.

Таким образом, природно-климатические особенности Восточного Кавказа, богатые природные ресурсы, запасы полезных ископаемых помогали местным народам выживать в сложных военно-политических событиях, когда Российская империя активизировала борьбу за покорение края, особенно в первой половине XIX в.

Основная часть

Изучение формирования этнической карты Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. целесообразно начинать со срединной его части ввиду того, что этнические и географические границы на территории данной местности оставались устойчивыми.

Этнический состав Дагестана также формировался под влиянием климата, местной растительности и животного мира, что обуславливало уклад жизни населения. Так, преимущественно гористая местность в северной части была покрыта песками и солончаками. В XIX в. минеральные ресурсы ещё не были подробно исследованы, однако было известно о наличии на территории Дагестана серы, каменной соли, свинца и др. [7, с. 57]. Ввиду континентального климата осадков на местности выпадало мало, поэтому растительность была преимущественно бедная, а лесов мало. Данное обстоятельство указывало на преобладание скотоводческого и ремесленного видов деятельности проживавших здесь этнических групп. Народы, населявшие прикаспийские территории, занимались земледелием. Это объяснялось более влажным климатом, богатой растительностью и множеством лесов, что сделало возможным распространение среди местных народов и племён хлебопашества, которое осуществлялось в том числе за счёт искусственного орошения полей [7, с. 60–65].

Аварцы говорили на особом языке – аварском (аваро-андо-цезская группа), являлись мусульманами. Занимались скотоводством, в некоторой степени земледелием. Представители этого народа населяли бассейн рек Аварское Койсу, Джурмут, Каракойсу и Андийское Койсу, территории хребта Салатау и Сулакской впадины. На востоке аварцы проживали в районе Гимринского хребта, с. Урма, Левашинского плато до с. Чуни. Известно, что на юге аварцы населяли территорию вдоль водораздела между ныне существующего с. Кази-Кумух, расположенного на склоне Главного Кавказского хребта, а также по р. Капи-чай, с. Ени-Сувагиль (ныне относится к территории Азербайджана) и с. Джиных до р. Алазани (которая в настоящее время

затрагивает территории Азербайджана и Грузии). Поселения аварцев были зафиксированы по южным скалистым склонам Главного горного хребта вплоть до его склона, однако установлено, что они доходили до р. Алазани (временами также до р. Иори, которая также затрагивает территории Азербайджана и Грузии) [4, с. 111].

На соседних с аварцами территориях также проживали 13 малочисленных народностей андо-цезской языковой группы и арчинцы. Близкое соседство и общая история развития способствовали применению данными народами аварского языка в качестве *lingua franca* [4, с. 112]. Арчинцы проживали в семи селах по р. Рис-ор. Представители других народов – по берегам р. Андийское Койсу, на севере – от Богосского хребта и на севере – от исторической области Ункратль, которая расположена вдоль современных границ Чечни, Дагестана и Грузии [1, с. 110–111; 10, с. 25, 27–29].

Лакцы проживали в бассейне р. Казикумухское Койсу. Также местами их компактного проживания являлись селения: Балхар, Уллучара, Кулибухна, Чикуни, Цуликана, которые географически располагались в окружении даргинских сёл, а также сёл Аракул, Нижний Катрух и Шалиб [10, с. 37].

Даргинцы являются одним из коренных дагестанских народов. Они первоначально разговаривали на даргинско-хайдакском диалектном языке. Даргинская языковая группа относится к дагестанской речевой группе (восточно-кавказской ветви иберийско-кавказских языков). Разводили животных, изготавливали примитивные ткани, глиняную посуду и занимались другими ремеслами [6, с. 372].

Даргинцы заселяли большую часть предгорно-горной зоны от северных отрогов возвышенности Чонка-тауи, затем – на юг, занимая Левашинское плоскогорье. Вместе с кайтагцами и кубачинцами даргинцы также населяли территорию в районе бассейна р. Уллучай. На юге их границы поселений доходили до р. Дарвагчай и прикасались северных устьев и истоков р. Рубас [6, с. 372].

Кайтагцы (хайдаки) жили в зоне верховий двух главных заходов р. Уллучай и дальше – южнее истоков р. Рубас [4, с. 84–85].

Кубачинцы изначально проживали в верховьях северного притока р. Уллучай в селах Кубачи, Амузги, Сулевкент, Шири. Многие исследования начала XVIII в. указывают на особый статус языка кубачинцев, самобытную культуру и общественный уклад [6, с. 372].

Даргинские села были, в частности, в иноэтническом окружении: с. Чираг – в агульской, Мегеб – в аварской [6, с. 372].

Терекемейцы в основном проживали на низменных землях между сёл Башлы и Дарваг. К XVIII в. этот народ оформился в особую этническую группу, использующую тюркско-огузский язык с оседло-земледельческим укладом жизни [6, с. 372].

Кумыки изначально являются народом тюркского племени, который располагался по берегу Каспийского моря. Исследователи указывают, что кумыки считали себя мусульманами, имели оседлый образ жизни, занимались хлебопашеством и скотоводством [6, с. 372].

Что касается южных кумыков, то они занимали прибрежную равнинно-предгорную черту от селения Башлы. На севере территория их проживания затрагивала с. Манас и р. Шураозень, а также значительную часть Терско-Сулакской равнины. В середине XVII в. с. Эндирей уже располагалось в пределах современной территории, его граница с аварцами-салатавцами проходила вдоль с. Чумли [13, с. 31–32].

Ногайцы являются тюркско-кипчакским племенем. Согласно некоторым источникам, ногайцы проживали «около рек Аксай и Сулак, также и под горами, где добрые луга» [4, с. 64]. Одни источники указывают на 300 юрт кочующих ногайцев между устьем рек Сулак и Шураозень [12, с. 243]. Другие источники – на 500 юрт ногайцев [3, с. 244], которые жили в границах Аксаевского княжества, и 600 кочевых семейств на территории Эндиреевского и Костековского владений; место проживания их в исследуемый период сместились к «понизовья рек Акса, Ямансу и Казьмы» [2, с. 188].

Необходимо также указать, что некоторая часть ногайцев уже со второй половины XVIII в. начала переходить к седентаризации.

Ауховцы (аккинцы) являются небольшой общиной вайнахов (чеченцев и ингушей) – потомков переселенцев [5, с. 300]. Они проживали в районе с. Акка, а также рек Аксай, Ярыксу, Ямансу [3, с. 24].

В XVIII в. этническая территория чеченцев и ингушей лежала между северных склонов Главного Кавказского хребта, в правобережье р. Терек, в бассейне р. Аксай на востоке и в низовьях р. Армхи на западе [6, с. 371].

На северной территории Дагестана некоторые исследователи также указывают на присутствие представителей **русского народа** со второй половины XVI в. В начале XVIII в. терско-гребенское казачество заселяло линию по длине р. Терек на двух противоположных сторонах.

Со временем эти казачьи населенные пункты были расквартированы на левобережье Терека [6, с. 373]. Восточнославянское население в первой половине XVIII столетия жило в городах Терки, Святой Крест и Кизляр [6, с. 373].

Лезгины (лезги) – восточные горские племена Кавказа, которые преимущественно населяли юг Дагестана. К лезгинам также относят кюринцев, удинов и ряд других групп [6, с. 372].

Цахуры, рутульцы населяли верхний бассейн р. Самура, а также южный склон Главного Кавказского хребта. В южной части с. Рутул было ограждено Шекинской частью обозначенного хребта. Жители данного села проживали в данной местности, начиная с истоков р. Шин-чай. На севере их территория затрагивала Самурский хребет, р. Ахтычай и два берега р. Самур [6, с. 372].

Табасаранцы проживали за пределом р. Дарбах, черты ортогов на юге г. Дербента. На юге они компактно проживали на территории вплоть до с. Каракюре. На западе их территория проходила до «Сурхаева владения» [4, с. 104]. Исторические границы Табасарана преимущественно затрагивали с. Рубас, на западе – г. Джуфудаг, а на юге – р. Чирахчай [6, с. 372].

Агулы изначально населяли территорию верхнего бассейна р. Чирахчай и р. Курах-чай, которая ограждена г. Джуфудаг с востока, перевалом Кокмадаг – с севера и Самурским хребтом – с юга-запада [6, с. 372].

«Шахдагские народы» – этническое условное название группы племён – будухи, хиналугцы, крызы, джекцы, хапыты и др. Они компактно проживали вблизи р. Кудиялчай. Согласно И. Герберу, «все они шесть деревень великие, токмо не с великими уездами, кроме Хиналук, которому ещё две или три невеликие деревни подлежат, и того ради за уезд почесть можно... Сии шесть деревень так же, как и другие дагестанцы, заедино стоят, имеют и с другими пятью уездами крепкое приятство, токмо не могут во время потребных нужд с ними соединиться, ибо высокие горы Шак между ними лежат и соединению мешают» [4, с. 80–81].

Татское население разговаривало на разновидности персидского языка и проживало компактными группами, изначально исповедовало ислам (шиизм), иудаизм и христианство. Конфессиональное разделение татов определило их разностороннюю историю: таты-иудаисты сформировались в замкнутую этническую подгруппу, а таты-мусульмане ассимилировались с тюркским окружением [5, с. 37].

Среди основных народов и племен, которые составляли этническую карту Восточного Кавказа, исследователи также упоминали так называемые **рассеянные этносы** (армяне, удины) [4, с. 116; 8, с. 63].

В частности, как отмечал русский военный деятель Иоганн Гербер: «В разных уездах рассыпно живут. Имеют несколько деревень в Мюшкуре, в Рустау, а особливо больше в Кабале». Автором также отмечены армянские купцы в городах Баку, Шемаха, Дербент [4, с. 116]. Ряд учёных-историков указывают об армянском населении в Шекинском ханстве. Существует предположение, что за армян были приняты удины, так как удинский язык морфологически идентичен с южно-дагестанскими языками, а население исповедовало христианство [6, с. 372–373].

В некоторых источниках наблюдаются упоминания об арабском населении: «в Кубинском ханстве – 2 населённых пункта, в Дербентском ханстве – 1 и в Шекинском владении – 2 села», где ещё разговаривают на арабском. Например, в с. Дарваг «арабский язык вышел из употребления недавно, но некоторые старики и теперь ещё знают его» [1, с. 21–22]. Данное замечание указывает на проживание в с. Дарваг в конце XVIII в. носителей арабского языка.

Население Дербента и южного побережья использовало тюркский язык. И. Гербер обозначал территории таких областей и сёл, как Мушкур (Маскут), Низават, Шавран, Рустау и Ширван. Учитывая политическое значение Дербента, языковая, конфессиональная и этническая картина на равнине и вдоль Каспийского моря на протяжении XVIII – первой половины XIX в. неоднократно корректировалась.

Согласно сведениям представителей научного сообщества, можно предположить, что до 1711 г. в Дербентском округе и на большой площади южнее, существенную долю жителей составляли представители горских народов. В дальнейшем, уже после 1711 г., наличие последних значительно сократилось [4, с. 80–94].

Жители предгорий, также как и высокогорных «шахдагских» сёл, не подверглись заметной тюркизации, что не позволило И. Герберу отнести территории г. Кубы и современное с. Джалган к Лезгистану (название Дагестана у восточных писателей).

На этническую картину исследуемой территории Дагестана в значительной степени повлияло стратегическое положение тех или иных сопредельных территорий: политически важная и доступная равнина была подвергнута тюркизации. Горные территории Дагестана были менее подвержены этническим сдвигам и дольше сохраняли свой этнический состав. Соответственно, в центральной части Дагестана и прилегающих возвышенных и альпийских местностях (севернее – горный массив водохранилища р. Аргун под названием «Чёрные горы»; южнее – горная и холмистые зоны вплоть до горной вершины Бабадаг, которая в настоящее время является территорией Азербайджана) во время миграционных процессов XV–XVI вв. не произошло существенных перемен в территориально-этнической картине.

В конце XVIII – первой половине XIX в. значительно выросла численность восточнославянского (русского и украинского) населения региона. Вместе с тем, здесь жили армяне, грузины, туркмены и др. [7, с. 56].

Городское население в XVIII в. проживало в Дербенте, Терском городе, Святом Кресте, Кизляре, Моздоке, а в первой половине XIX в. появляется в Грозном, Темирхан-Шуре, Порт-Петровске [7, с. 55].

В первой половине XIX в., согласно сведениям имперского военного руководства, население северокавказского региона составляло 1,5 млн чел. [11, л. 64]. Среди них из числа дагестанских народов было около 500 тыс. чел. [9, с. 11]. Составление этнической карты Дагестана в XIX в. могло быть неточным ввиду событий демографического характера: переселений, неравномерной колонизации новых территорий, принудительных миграций различных национальных меньшинств во время внешнеполитических кризисных конфликтов и неоконченности их этнической идентификации – в основном на севере и юге региона. Это усложняло для специалистов-картографов того времени установление реальных размеров административных территорий и местоположение различных этнических групп на картографической схеме региона.

Следует отметить, что на севере региона в роли разговорного средства межнациональной коммуникации появляются кумыкский и ногайский языки, первый из которых при этом был распространён на территории прибрежной полосы до с. Башлы. В глубине Дагестана, особенно вблизи речных водоёмов рек, таким языком выступал аварский, а в южном Дагестане – по-видимому, азербайджанский. Популярность любого из указанных языков на собственной «небольшой родине» свидетельствует о расширении значения взаимодействий смежных народностей в рассматриваемый период [1, с. 21–22, 25; 2, с. 30].

Выводы

Проанализированный материал указывает, что Восточный Кавказ в XVIII – первой половине XIX в. состоял из огромного количества этнополитико-территориальных объединений. Он не являлся единым государственным образованием с надлежащими общегосударственными инструментами и не представлял собой единой и цельной территориально-географической и экономической единицы. Каждое владение имело свою определённую зону для проживания населения.

Историческая география региона определялась развитием хозяйственной деятельности населения, расширением хозяйственной специализации и взаимодействием разных хозяйственно-экономических секторов.

И тем не менее указанный период для Восточного Кавказа – один из решающих этапов во взаимоотношениях народов края с Россией. Торгово-экономические отношения местных народов с Российской империей в XVIII – середине XIX в. развивались в сложных и противоречивых условиях на фоне как внутренних, так и внешне-политических событий в регионе.

Как отмечалось, край не представлял собой единого целого государственного образования. Он характеризовался наличием отличавшихся друг от друга по политическому устройству структур. Они разнились своей территорией, внутренними и внешними границами, численностью населения, хозяйственным развитием, ролью и местом, которые они занимали в жизни региона в целом и др.

Несмотря на все негативные моменты, взаимоотношения народов Восточного Кавказа с Россией развивались по восходящей линии. Расширение и углубление разносторонних связей между Россией и местными народами являлось определяющей тенденцией в истории их взаимоотношений, что выражалось также в различных трансформациях в этнотерриториальной карте Восточного Кавказа в XVIII – середине XIX в.

Список литературы

1. Бакиханов, А.-К. Сочинения. Записки. Письма / А.-К. Бакиханов. – Баку : Элм, 1983. – 344 с.
2. Броневский, С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе / Собранные и пополненные Семеном Броневским / С. М. Броневский. – Москва : тип. С. Селивановского, 1823. – Ч. 1. – 361 с.
3. Буцковский, А. М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. / А. М. Буцковский // История, география и этнография Дагестана в XVIII–XIX вв. Архивные материалы / под ред. М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева. – Москва : Восточная литература, 1958. – С. 239–246.
4. Гербер, И. Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. / И. Г. Гербер // История, география и этнография Дагестана в XVIII–XIX вв. Архивные материалы / под ред. М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева. – Москва : Восточная литература, 1958. – С. 60–124.
5. История Дагестана. – Москва : Наука, 2004. – Т. 1. – 627 с.
6. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – Москва : Наука, 1988. – 544 с.
7. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). – Москва : Наука, 1988. – 659 с.
8. Лопухин, А. И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. / А. И. Лопухин // История, география и этнография Дагестана в XVIII–XIX вв. Архивные материалы / под ред. М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева. – Москва : Восточная литература, 1958. – С. 6–59.
9. Милютин, Д. А. Описание военных действий 1839 г. в Северном Дагестане / Д. А. Милютин. – Санкт-Петербург : Тип. воен. учеб. заведений, 1850. – 153 с.
10. Набиева, У. Н. Культурная география Дагестана / У. Н. Набиева. – Москва : Институт наследия, 2002. – 210 с.
11. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 2459.
12. Тихонов, Д. И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. / Д. И. Тихонов // История, география и этнография Дагестана в XVIII–XIX вв. Архивные материалы / под ред. М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева. – Москва : Восточная литература, 1958. – С. 125–137.
13. Шихалиев, Д. М. Рассказ кумыка о кумыках / Д. М. Шихалиев. – Махачкала : Дагестанское книж. изд-во, 1993. – 140 с.

References

1. Bakihanov, A.-K. *Sochineniya. Zapiski. Pisma* [Essays. Notes. Letters]. Baku: Elm; 1983, 344 p.
2. Bronevskiy, S. M. *Noveyshiya geograficheskiya i istoricheskiya izvestiya o Kavkaze. Sobrannyya i popolnennyya Semenom Bronevskim* [The latest geographical and historical news about the Caucasus. Collected and replenished by Semyon Bronevsky]. Moscow: Tipografiya S. Selivanovskogo; 1823, part 1, 361 p.
3. Buckovskiy, A. M. *Vyderzhki iz opisaniya Kavkazskoy gubernii i sosednikh gorskikh oblastey. 1812 g.* [Excerpts from the description of the Caucasian province and neighboring mountain regions. 1812]. *Istoriya, geografiya i etnografiya Dagestana v XVIII–XIX vv. Arkhivnye materialy* [History, geography and ethnography of Dagestan in the XVIII–XIX centuries. Archival materials]. Moscow: Vostochnaya literature; 1958, pp. 239–246.
4. Gerber, I. G. *Opisanie stran i narodov vdol zapadnogo berega Kaspiyskogo morya. 1728 g.* [Description of countries and peoples along the western shore of the Caspian Sea. 1728]. *Istoriya, geografiya i etnografiya Dagestana v XVIII–XIX vv. Arkhivnye materialy* [History, geography and ethnography of Dagestan in the XVIII–XIX centuries. Archival materials]. Moscow: Vostochnaya literature; 1958, pp. 60–124.
5. *Istoriya Dagestana* [History of Dagestan]. Moscow: Nauka; 2004, vol. 1, 627 p.
6. *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevneyshikh vremen do kontsa XVIII v.* [The history of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the XVIII century]. Moscow: Nauka; 1988, 544 p.
7. *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (konets XVIII v. – 1917 g.)* [History of the peoples of the North Caucasus (the end of the XVIII century – 1917)]. Moscow: Nauka; 1988, 659 p.
8. Lopukhin, A. I. *Zhurnal puteshestviya cherez Dagestan. 1718 g.* [Journal of travel through Dagestan. 1718]. *Istoriya, geografiya i etnografiya Dagestana v XVIII–XIX vv. Arkhivnye materialy* [History, geography and ethnography of Dagestan in the XVIII–XIX centuries. Archival materials]. Moscow: Vostochnaya literature; 1958, pp. 6–59.
9. Milyutin, D. A. *Opisanie voennykh deystviy 1839 g. v Severnom Dagestane* [Description of the military operations of 1839 in Northern Dagestan]. St. Petersburg: Tipografiya voennykh uchebnykh zavedeniy; 1850, 153 p.
10. Nabieva, U. N. *Kulturnaya geografiya Dagestana* [Cultural geography of Dagestan]. Moscow: Heritage Institute; 2002, 210 p.
11. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv. Found 2, inventory 1, case 2459.*
12. Tikhonov, D. I. *Opisanie Severnogo Dagestana. 1796 g.* [Description of Northern Dagestan. 1796]. *Istoriya, geografiya i etnografiya Dagestana v XVIII–XIX vv. Arkhivnye materialy* [History, geography and ethnography of Dagestan in the XVIII–XIX centuries. Archival materials]. Moscow: Vostochnaya literature; 1958, pp. 125–137.
13. Shihaliev, D. M. *Rasskaz kumyka o kumykh* [Kumyk's story about Kumyks]. Mahachkala: Dagestan Book Publ. House; 1993, 140 p.

Информация об авторе

Кидирниязов Д. С. – доктор исторических наук, профессор.

Information about the author

Kidirniyazov D. S. – Doctor of Historical Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 23.11.2023; одобрена после рецензирования 09.12.2023; принята к публикации 25.12.2023.

The article was submitted 23.11.2023; approved after reviewing 09.12.2023; accepted for publication 25.12.2023.